

Поцелуй сильного мужчины

Автор:

[Татьяна Герцик](#)

Поцелуй сильного мужчины

Татьяна Герцик

Впервые в жизни Родион, сын олигарха, получил гарбуза! И от кого? От простой сельской девчонки! Что делать? Забыть ее? Но, как выяснилось, этого-то он сделать и не в состоянии...

Татьяна Герцик

Поцелуй сильного мужчины

Роман

Авторская версия

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора.

Все персонажи и события романа являются вымыслом автора, и никакого отношения к реальным людям и событиям не имеют.

Глава первая

Демид Павлович, демонстрируя недюжинные выдержку и терпение, продолжил прерванный разговор:

– Родион, мне не нравится твоя безответственность! Я прошу тебя быть разборчивее и прекратить разного рода сомнительные знакомства!

В очередной раз прерывая его патетическую речь, в кармане сына громко зазвонил телефон. На этот раз квартет «На-На» разухабисто ухнул «рыбка моя». Демид Павлович сердито погрозил сыну пальцем.

– Отключи телефон! Невозможно разговаривать!

Сын воспротивился:

– Не могу, папа! Ты сам меня учил, что не отвечать на звонки невежливо! – и Родион интимно прошептал в трубку: – Слушаю тебя, рыбка моя! – выслушав высокий девичий голос, нежно проворковал: – Нет, не пойду, и не проси. Позвони как-нибудь попозже, ладно? Мне сейчас некогда.

Демид Павлович уныло покачал головой.

– Которой девице ты отказываешь за последние полчаса? То есть за время нашего разговора? Пятой?

– Вообще-то шестой. Но какая разница?

– Никакой, – все так же уныло согласился раздосадованный папочка. – Будь ты дочерью, я бы твоей популярностью только гордился. Но когда так домогаются парня, а он ломается, как ерепенистая девица, то невольно возникают разного рода подозрения.

– И зря. Тебе бы понравилось, если бы тебе на шею вешались все без разбора? Не возникло бы желаний отправить их куда подальше?

– Однозначно бы возникло. Но я бы сделал это так, чтоб до них дошло, что звонить мне и обольщать не стоит. А ты воркуешь, как неисправимая кокетка. Вот они и звонят, потому что ты оставляешь им надежду.

– Обольщать, ух ты! Какие ты слова знаешь! Но грубить не могу. Воспитание не позволяет. Вот если бы ты меня личным примером вдохновлял, тогда другое дело. А то ты ведь тоже сюсюкаешь.

– Ни с кем я не сюсюкаю, я элементарно вежлив. К тому же ко мне никто не пристает!

– Потому что у тебя мама есть.

– А при чем тут мама? Она тоже никому не хамит.

– Зато она умеет так посмотреть, что порой хочется стать невидимкой. Или, может, она на тебя так никогда не смотрела?

Демид Павлович смущенно похмыкал.

– Ну, как сказать. Всяко бывало. Но я тебя позвал вот зачем...

Снова прерывая его, в руках у сына зазвонил телефон. На сей раз прозвучало томное «бесаме мучо». Не давая сыну ответить, отец выхватил у него из рук телефон и рывкнул:

– Его нет и не будет! И не звоните ему больше! – и опустил телефон в свой карман.

Родион пригорюнился.

– Папа, что ты наделал! Это была единственная, с которой можно было хоть о чем-то поговорить!

– Единственные сами не звонят! Так что не прикидывайся!

– Сами не звонят? Ты хочешь сказать, что звонить должен буду я? – Родион сделал изумленные глаза. – Но так не полагается!

– Не понял? – отец снова насторожился. – Почему это ты не можешь сам позвонить понравившейся девушке?

– Потому что я сын олигарха, папуля. Мне неуместно.

– Боже, дай мне терпения! – упаднически взмолился Демид Павлович. – А то, что ты мужчина, тебе ни о чем не говорит?

– Папа, у нас равноправие. И женщины имеют те же права, что и мужчины.

– Ты хочешь сказать, что предпочитаешь, когда тебя домогаются?

– Что за выражения, папа! Я предпочитаю «ухаживают».

Телефон зазвонил снова, выдав фривольное «красотки, красотки, красотки кабаре». На сей раз Демид Павлович даже отвечать не стал, а просто отключил телефон.

– А сейчас кто звонил? Кто-то из кабаре?

– Мелко плаваешь, отец! Из московского театра оперетты, – и Родион игриво подергал ножкой.

Демид Павлович меланхолично повторил известный мотивчик, промычав: «красотки, красотки, красотки кабаре». Спohватившись, строго приказал:

– Вот что, сын, поезжай-ка ты в станицу Подлесную. Думаю поставить там перерабатывающий заводик из разных модулей. Нужно сырье; молоко главным образом, ну и мясо, овощи, фрукты. Выясни, есть ли там возможности для увеличения поголовья и урожайности. Сейчас самое время приняться за сельское хозяйство. Дотации можно получить неплохие и производство увеличить. Хоть на стороне закупать меньше будем. Но прошу тебя соблюдать конфиденциальность. Сам понимаешь, конкурентов полно. Ни к чему привлекать их внимание к нашим планам.

Родион кивнул. Он давно ожидал чего-то в этом роде. В их семье он был разведчиком, отец всегда посылал его туда, где нужно было что-то разузнать, прикинуть, проверить. Но для проформы заупрямился, исключительно для того, чтоб больше ценили:

– Что я смыслю в животноводстве? Я же не сельхозакадемию кончал.

– А я тебя не зря в станицу Подлесную отправляю. У меня там старинный приятель живет, Константин Петрович Алексеев. Он еще с моим отцом дружил. Он там председателем в свое время был, теперь на пенсии. Посоветуешься с ним, ежели что.

– Может, мне инкогнито поехать? Чтоб не привлекать излишнего внимания?

– Ну, не знаю. Константину Петровичу-то уж мозги не компостируй, обидеться может. А остальным говори, что хочешь. В общем, действуй по обстоятельствам. И отправляйся поскорее, лучше всего завтра. Телефон поменяй! Не думаю, что в нашей глубинке приветствуют парней, за которыми девицы сотнями ухлестывают.

Родион сморщил нос.

– Ладно. Но ты мне телефон отдай. Там все мои контакты, – и просительно протянул руку.

Но отец заупрямился:

– Не отдам! Вот приедешь с выполненным поручением, тогда и получишь. Новый заведи. Мой номер телефона в память запиши, ну и материн еще. Остальные тебе ни к чему. На данный момент.

Родион хотел было заспорить, но Демид Павлович развернулся и упругими шагами вышел из комнаты. Родион сердито погрозил кулаком ему вслед.

– Караул! Грабеж среди бела дня! Вот и приезжай после этого в родительский дом!

По опыту зная, что спорить с возмущенным родителем бесполезно, пошел в сад, где мать вдохновенно колдовала над своими розами.

В глаза ударило яркое летнее солнце, и он поспешно нацепил на нос большие солнечные очки. Завернув в розарий, увидел мать. На ней были мешковатые хлопковые шорты, широкая футболка и соломенная шляпка на гладко зачесанных волосах. Глаза, как и у него, смотрели на мир через черные солнечные очки.

Ответив на приветствие сына, Наталья Ивановна удовлетворенно заметила:

– Как хорошо цветут эти новые сорта! Особенно мне нравится этот, – и она указала на дивно пахнувший куст с крупными белоснежными бутонами.

– Белоснежка? – сын прочитал название на пластиковой табличке возле куста.

– Как ты узнал? – простодушно удивилась мать.

Сын ткнул пальцем в табличку. Наталья Ивановна смущенно рассмеялась.

– Постоянно забываю о такой ерунде! – она ласково поправила цветущую плеть, и отступила на шаг, гордо любуясь делом рук своих.

Сын чихнул. От слишком сильного аромата роз у него всегда начиналась аллергия.

– Ох, пойдём отсюда! – спохватилась Наталья Ивановна, – пока ты окончательно не расчихался.

Они ушли в дом. По дороге Наталья Ивановна сняла солнечные очки и положила их на столик возле выхода в сад.

– Только бы не забыть! – она прошептала это как заклятье.

– Если бы ты клала их на одно и то же место, то не забывала бы.

– Я всегда кладу очки на этот столик, но их никогда здесь не оказывается! Это пожизненная загадка. Поэтому я всегда держу в своей комнате пару штук про запас.

Сын давно знал о патологической привычке матери терять очки, поэтому ничуть не удивился. Причем стабильно теряла она только очки. Другие вещи под столь сокрушительную привычку не попали. Они тоже пропадали, но эпизодически.

Устроившись в гостиной в удобном кресле, Наталья Ивановна устало вытянула ноги, нажала на кнопку переговорного устройства и попросила принести ей чаю. Через пару минут появилась улыбчивая женщина с подносом. Составив чашки, банки с кофе, пакетики с чаем, печенье и джемы на чайный столик, пожелала приятного аппетита и ушла.

Наталья Ивановна налила чаю себе и сыну и приступила к расспросам:

– Зачем ты приезжал? Тебя отец позвал?

Родион долго и придирчиво выбирал пакетик чая. Наконец, остановившись на зеленом без добавок, опустил его в чашку с кипятком, и только тогда рассеянно ответил:

– Разве я не могу приехать просто так? Чтобы тебя повидать?

– Нет, не можешь! – категорично заявила любящая мать. – Ты к нам приезжаешь только по вызову. Как скорая помощь.

– Да, – уныло согласился не менее любящий сын. – Кроме меня, помочь бедным престарелым родителям больше никому.

– Саша с Олей давно пристроены. У них другие приоритеты. Да и стыдно отрывать их от семьи, от детей. А ты все равно перекаати-поле. Я тебя даже и не спрашиваю, собираешься ты жениться или нет.

Родион на этот вопрос ответа не знал.

– Как я могу знать, собираюсь я жениться или нет? Меня еще никто не поймал.

– Никто от тебя еще не забеременел, ты хочешь сказать?

– Ну, если ты так прямо ставишь вопрос, то да.

– А если добровольно? Без принуждения?

– А зачем?

– Вдруг влюбишься?

Родион печально засмеялся.

– В кого, мама? Вокруг меня девиц много, но все они капралы в юбках. Впрочем, есть пара нежных и заботливых девушек, но останутся ли они такими в роли законных жен? Ты же помнишь поговорку «все невесты хороши, откуда берутся плохие жены»?

– О мужьях можно сказать то же самое, – Наталья Ивановна задумчиво разглядывала сына, будто увидела его после долгого перерыва. – Когда ты успел стать таким циником?

– Я всегда им был, мама. Просто ты носишь розовые очки и умудряешься не видеть очевидного.

– Да? Никогда бы не подумала. А тебе никто не говорил, что ты бессердечен?

– Как не говорили? Да постоянно говорят! И еще что у меня сердце изо льда. Красиво, правда?

– Ой, сынулька, про эффект бумеранга ты слышал?

– Это типа «что посеял, то и пожнешь»?

– Да.

– То есть если я вдруг ни с того, ни с сего примусь ухаживать за девчонкой, она меня обязательно отошьет?

– Вполне возможно. Только не «ни с того ни с сего», а попросту влюбишься. В жизни все возвращается, сынулька. Проверено личным опытом, так что можешь не сомневаться.

– Ну, ты и фантазерка, мама! Но, если со мной такое случится, в чем я сильно сомневаюсь, то это будет очень полезный и познавательный опыт. В жизни все надо попробовать, не так ли? По крайней мере, будет с чем сравнивать.

– Смотри, я тебя предупредила.

– Да, мама, ты сполна выполнила свой материнский долг. Сделала все, что могла, чтоб наставить на путь истинный дитя неразумное.

– Ладно, шутки отставим. Зачем тебя все-таки позвал отец?

– Как обычно, посылает разведать, что к чему. На сей раз в станицу Подлесную.

– Далеко. Возьмешь самолет?

Родион пожал плечами.

– У нас в стране с личными самолетами проблема. Туда не летай, сюда не садись. Проще на машине.

- Ну уж нет! На дороге столько опасностей. Недавно передали об очередном убийстве. Ты же без охраны поедешь?

Родион представил себя в бронированном отцовском лимузине с охраной. О какой конфиденциальности после этого может идти речь?

- Нет, мама, я уж лучше поездом поеду.

- Поездом? - Наталья Ивановна так изумилась, будто сын сообщил ей о намерении телепортироваться. - И как это?

- Очень просто. Куплю билет на проходящий поезд, сольюсь с толпой и вперед!

- А это не опасно?

- Мама, у нас все люди ездят на поездах. Что в этом может быть опасного?

- Ну, не знаю. Вдруг тебя ограбят?

- Я с собой ценности не вожу. Я не инкассатор. Это их грабят.

- Если узнают, что ты сын...

- Я не собираюсь об этом никому говорить. Кстати, у тебя случайно ненужного телефона нет? Желательно с симкой.

- А где же твой?

- У меня его реквизировал отец.

- Да? - мать развеселилась. К досаде Родиона, ей подобные карательные меры пришлось по душе. - То-то мы с тобой разговариваем спокойно, без твоих дурацких сюсюканий с девицами!

- Я никогда ни с кем не сюсюкаю, мама! Я просто вежлив.

– «Рыбка моя», «киска моя», «золотце», «моя прелесть», – Наталья Ивановна очень похоже передразнила сына, – это, по-твоему, не сюсюканье? А что же тогда? И почему ты никого по имени-то не называешь? Боишься перепутать?

– Как ты меня понимаешь, мама! Скажу тебе по секрету, я не то что имена перепутать боюсь, я их попросту не знаю.

– Как это может быть? – Наталья Ивановна так поразилась, что забыла о чашке с чаем и взмахнула рукой. Горячий душ пролился на светлые джинсы сына. Рубашке досталось тоже. Ахнув, она принялась промокать салфеткой влажные пятна. – Ох, какая я неуклюжая! Ты не обжегся?

Родион забрал у нее салфетку и принялся самостоятельно устранять последствия нежданного душа.

– Нет. Чай, на мою удачу, почти остыл. И очень рад, что ты пьешь чай без варенья. Пятна от варенья на рубашке – это вообще приколы.

– Да, повезло тебе, – слегка съехидничала мать. – Но все-таки: как ты можешь не знать своих собственных пассий?

– Да очень просто: я их видел от силы пару раз в жизни.

– А зачем тогда номер телефона им даешь?

– В том-то и проблема, что не даю. Они его узнают сами.

– Он что, в открытом доступе?

– Почти. Не знаю как, но они его раздобывают и упорно называют. Я, естественно, не собираюсь запоминать их имена, поэтому для них у меня и существуют позывные.

– То бишь попросту клички?

– Не надо быть такой грубой, мама. Они же не животные, а люди! – укорил мамочку сверхтолерантный сын. – А ты что предлагаешь?

- Поменять симку, и на неизвестные звонки просто не отвечать.

- Прделано многократно. Ты же сама знаешь, как часто тебе приходилось менять мой номер в своем телефонном справочнике. И не тебе одной, а всему кругу наших деловых партнеров и друзей. В общем, я решил, что овчинка выделки не стоит. И теперь всем девицам отвечаю одно: «не приду, некогда, рыбка моя».

Наталья Ивановна озадаченно покачала головой и налила себе новую кружку горячего чаю взамен выплеснутой на сына. Родион опасливо проследил за ее манипуляциями и сказал:

- Я пойду, мамочка. Не хочу подвергать себя еще одной незапланированной мойке.

- Подожди! - спохватилась Наталья Ивановна. - Тебе же нужен телефон. У меня где-то простенький валялся, кнопочный. - Она растерянно оглянулась вокруг. - Куда же я его дела?

Не успел Родион сказать, чтоб она не суетилась, он купит телефон по дороге, как она подхватилась и унеслась. Вернулась через пять минут, небывалая для нее скорость.

- Вот! - торжественно протянула сыну телефон. - Звони! И мы будем звонить тебе по нему. Номер я знаю. Он и у отца есть.

Родион осторожно взял телефон и покрутил, осматривая со всех сторон.

- Раритет, однако! Один из первых выпусков Моторолы. Ни один вирус не проникнет, потому что некуда. Тебе не жалко?

- Мне для детей ничего не жалко! - с пафосом воскликнула Наталья Ивановна. - Там и симка есть, и деньги уплачены. Так что пользуйся.

- Интересно, как им пользуются? - Родион кисло смотрел на ряд кнопок. - В интернет уж точно не выйдешь.

– А зачем он тебе? – Наталья Ивановна подозрительно погрозила ему пальцем. – Он тебе ни к чему. – И почти процитировала мужа: – На данном этапе.

Родион решил не спорить, а попросту купить себе новый телефон.

– Спасибо, мама. Пока!

Он вышел из особняка родителей, сел в свой джип и погнал домой. На Тверской, как обычно, машин было полно. Он поставил машину на свое законное место возле дома и поднялся на лифте на седьмой этаж. Квартира была немаленькой, полторы сотни метров и, по мнению отца, вполне годилась для холостяка.

Родион тоже так считал. Но его подружки, время от времени появлявшиеся здесь, утверждали, что она маленькая и неудобная. И что по статусу ему нужно иметь пентхаус где-нибудь в новостройке. Но девицы исчезали с той же стремительностью, что и появлялись, а квартира как была, так и осталась. Конечно, если бы он завел семью, то пришлось бы волей-неволей покупать особняк в пригороде с хорошей экологией, ведь дети должны расти на природе. Как грибы, цветы, бабочки и прочая сентиментальная дребедень.

Нет, он вовсе не против семьи. У родителей хорошая семья, и свои детские и юношеские годы он вспоминает с удовольствием. Было много смеха, радости и мелких детских проказ. Старшие брат с сестрой уже давно обзавелись семьями и вполне довольны жизнью. Он, в принципе, тоже доволен своей, хотя порой и хочется семейного уюта, надежности и спокойствия. Ну и любви, конечно.

Вот только для этого нужна хорошая жена. А где ее раздобыть? Вокруг него крутятся только охотницы за богатым мужем. Возможно, среди них есть паратройка таких, которым нужен только он сам, но как их распознать? С виду они все одинаковые, а внутрь, как говорит его пронцательная тетка, не влезешь.

Решив не заморачиваться такой ерундой, включил ноутбук, зашел в интернет, и принялся выбирать поезд, на котором удобнее всего добраться до Подлесной. В южном направлении поездов шло море, но редко кто останавливался на нужной ему маленькой станции. Из фирменных скорых ни один. Пришлось заказывать билет на пассажирский. Ладно, хоть место в купе нашлось. Видимо, кто-то в последний момент отказался.

Выложил из кармана архаический телефон. Скептически на него посмотрел. Не забыть купить новый, на две симки, одну для деловых контактов, другую для курочек. Эту Моторолу он с собой тоже возьмет, исключительно для родителей. Если кто будет спрашивать, откуда у него такой допотопный телефон, будет гордо говорить, что это раритет. Глядишь, и введет новую моду на ретро-телефоны.

Вытащил из шкафа походную сумку, принялся забрасывать туда одежду. Как у любого опытного путешественника, много времени сборы у него не заняли. Во время застегивания молнии раздалось странное монотонное попискивание, и почти сразу смолкло.

Родион завертел головой в поисках источника непонятных звуков. Мамочкин телефон светился на столе приятным зеленоватым светом. Взяв его, увидел, что пришла СМС-ка. Что за ерунда? Открыл ее и прочитал:

– Жду тебя завтра на нашем месте, Туся, не опаздывай!

Подписи не было, номер отправителя не определился. Родион застыл на месте, не понимая, что это такое. Туся? Что это за панибратство? Неужели у матери роман на стороне? Ведь это ее телефон? Интересно, а отец в курсе? Вряд ли. Сказать ему об этом или нет? Нет, нужно сначала поговорить с мамой, ведь сообщение могла послать и ее подруга. Успокоив свое взбудораженное сознание этими логическими выкладками, продолжил сборы.

Без постоянных звонков, к которым привык, было скучно. В пятый раз взяв в руки телефон и ничего в его памяти не обнаружив, чертыхнулся. Так хотелось позвонить паре старых проверенных друзей и поговорить о том, о сем. Есть, конечно, интернет, но печатать длинные сообщения не хотелось. Да и не передашь то, что хочется. Ведь как разговаривает с тобой друг? Пара намеков, выраженных не словами, а интонацией, и тебе все становится понятно.

А как передать интонацию в сообщении? Он и пытаться не станет. Да уж, устроил ему папулька веселую жизнь. Или виноват не отец, а он сам? Может быть, он стал телефонозависимым? Или как называется зависимость от постоянных телефонных разговоров? Во всяком случае, нечего было переться к строгому родителю с включенным телефоном, ведь то, что случилось, было легко прогнозируемым.

Можно, конечно, поговорить и по скайпу, но электронное общение живое все равно не заменит. Чтоб не заскучать в одиночестве, вышел ВКонтате на Юстаса, одного из своих старых, еще со школы, дружка, и назначил встречу в их любимом ресторанчике на Тверской. На самом деле Юстаса звали Владимиром, но в классе было четыре Володьки, поэтому у каждого был свой подпольный позывной. А Юстас потому, что в то время Володька увлекался книгами Вайнеров, и навязчиво пересказывал сюжеты каждому желающему и нежелающему.

Юстас ответил сразу: приду.

До назначенной встречи времени было полно, и Родион, переодевшись в легкий светлый костюм, отправился в торговый центр неподалеку, в отдельчик с сотовыми телефонами. Выбрал не сильно навороченный смартфон, чтоб не привлекать к себе ненужного внимания в российской глубинке, добавил к нему две симки разных операторов.

В отель, где находился их с Юстасом любимый ресторанчик, пришел за десять минут до назначенного срока. Немного поколебавшись, решил устроиться на террасе, уж очень вечерок был хорош. Ветра не было, так что блюда с пылью есть не придется. Сел в самом углу, благо там освободился столик. Официант резво поменял приборы, унес оставшуюся от предыдущих клиентов грязную посуду и оставил меню.

Родион в меню заглядывать не стал. Вот придет Юстас, тогда они вместе и решат, что заказать. В преддверье появления друга сходил в бар, купил «Маргариту», вернулся с бокалом к столику. Улица с выбранного им местечка просматривалась хорошо, и он заметил Юстаса издалека. Призывно помахал рукой, и тот непринужденно перескочил к нему через невысокий плетеный заборчик, отделяющий террасу от улицы.

– Ай-ай-ай! – попенял ему Родион. – Какой ты пример показываешь подрастающему поколению? – и он взглядом указал на пацанов, с восторгом глядевших на Юстаса из-за заборчика.

– Не волнуйся за них, – протягивая руку для рукопожатия, утешил его Юстас. – Они же москвичи. Их девиз «не зевай».

Пожав протянутую руку, Родион насмешливо поправил:

– Это в наше время у нас с тобой были такие шустрые девизы. Теперь другое время. Сейчас детишки общаются по скайпу, сочинения скатывают не у соседа по парте, а с баз сочинений в рунете, а как гоняют в футбол, видят только по телевизору. Да и то если кто-то из взрослых увлекается. Так что про скорость и авантюризм забудь.

– Тогда я тем более подал им хороший пример, показав прекрасную физическую форму, – Юстас не понимал, что он сделал не так.

– Я не спорю. Ты и вон тех девиц восхитил. Так что не жди тихого спокойного вечерка. Сейчас на нас с тобой начнется охота.

Юстас посмотрел на указанный другом столик и чертыхнулся. Там сидело трое прехорошеньких девиц, восхищенно пялившихся на него.

– Может, внутрь пойдём и отдельный кабинет попросим? Житья ведь не будет. – Юстас терпеть не мог приставал такого рода. После болезненного расставания с женой он на женщин вообще смотреть не мог.

Родион сочувственно посмотрел на угнетенное лицо друга. Вроде бы все было нормально, пока дите не родилось. И началось: дай то, сделай это! Хотя Вероника сидела в отпуске по уходу за ребенком, ничем больше не занимаясь. Бедняга Юстас с ног сбился, выполняя ее капризы. И все равно не угодил. Она с ним развелась и к мамочке ушла, так там и живет.

Друг никогда о жене ни одного плохого слова не говорил, обо всех его семейных неурядицах Родион догадался сам по отдельным отрывочным фразам. А если учесть, что Юстас после женитьбы ни на одну красотку не посмотрел, то встает сакраментальный вопрос: и чего этим бабам надо?

Юстас сидел как на иголках, уткнув нос в меню, боясь взглянуть в сторону девчонок. Сколько раз Родион видел его застывший взгляд, стоило мимо пройти финтифлюшке, похожей на его бывшую жену. Упаси господь от такой патологической зависимости! Уж если любить, то женщину без заморочек. Вот как его мать. Никаких претензий, никаких скандалов. Но где такую взять?

– Не бойсь, отобьемся! – Родион протянул Юстасу меню. – Что будем брать? Омара не хочешь?

Тот кинул на него осуждающий взгляд.

– Ты на цену смотрел? Мне потом неделю поститься придется. И от тебя я деньги не возьму, и платить за себя не позволю. Так что давай поскромнее. Или бери этого своего омара один. Он мне не слишком-то и нравится, кстати.

Родион из солидарности омара заказывать не стал и заказал все то же, что и друг. Недорогое, но вкусное.

Вина они брать не стали, Юстасу завтра надо было идти на работу, Родиону – ехать в станицу. Перекусив, Родион благодушно посмотрел вокруг.

– Вот видишь, все хорошо. Никто к нам не пристаёт. Похоже, мы с тобой уже не котируемся среди ресторанных красоток.

– Замолчи! – замахнулся на него Юстас ложкой. – Не то сглазишь!

– Осторожно! Не надо на меня едой замахиваться! Меня сегодня мамочка чуть кипятком не обварила! С меня хватит!

Наталья Ивановна была хорошо знакома Юстасу.

– Тебе повезло, что не обварила. Она несколько... ммм... рассеянна.

– И забывчива, и неуклюжа, – дополнил восторженную характеристику мамочки почтительный сынуля. – В общем, замечательная мамочка!

– Да, Наталья Ивановна замечательный человек, – согласился Юстас, явно не слыша то, что говорил друг. Он опасливо следил за приближающейся к ним хорошенькой девице в скромном сарафанчике. – Пошли отсюда, пока она сигаретку не попросила!

Родион обернулся. Где-то он эту девицу видел, но вот где?

– Спасаться уже поздно. Но не волнуйся, я ее сейчас спроважу, – беззаботно пообещал Родион, спокойно дожидаясь приближения опасного объекта.

Подойдя к ним, девушка дружелюбно улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте, Родион! Вы меня не помните?

Он воспитанно встал и подвинул к ней стул. Она села и вопросительно посмотрела на него, ожидая ответа.

– Что-то знакомое есть, но имени не помню.

– Это понятно. Нас с вами познакомили на ужине у ваших родителей. Я приходила со своими родителями. Меня Машей зовут. Но это было два года назад, понятно, что вы меня не помните.

В голове Родиона что-то щелкнуло. А ведь и верно! Это был тот самый редкий случай, когда родители пытались подыскать ему подходящую, по их мнению, девушку.

– Вспомнил! Вы на меня еще так подозрительно косились. Наверное, считали отъявленным ловеласом.

Маша засмеялась.

– Нет. Я просто боялась, что вы приметесь за мной ухаживать.

Родион недоуменно поднял брови.

– Я так сильно вам не нравился?

Она уклончиво призналась:

– Не в этом дело. Просто я любила другого человека. И ваше ухаживание создало бы мне определенные сложности. Мои родители очень уважают ваших. Если помните, наши отцы учились вместе и даже какая-то родня. Но вы мне говорили,

что хотите найти свой идеал. Вы его нашли?

Родиону все стало ясно. Она рассталась с прежней любовью, ищет новую, и рассчитывает, что этой новой любовью станет он. Он чуть не зевнул. Как это все надоело!

- Нет, не нашел.

- Как жаль! - это прозвучало с искренним сожалением, и Родион насторожился. Новый сценарий его обольщения? С таким он еще не сталкивался. Интересно, что будет дальше?

- Почему жаль?

- Мои родители до сих пор жалеют, что я упустила такого видного жениха, - безмятежно призналась она. - В прошлый раз я несколько переиначила ваши слова. Я им сказала, что у вас уже есть свой идеал. И было бы здорово, если бы вы в самом деле собирались жениться.

Родион невольно рассмеялся.

- А что вам мешает это сказать?

- Ничего, - она улыбнулась в ответ. - Я так и скажу.

- А потом ваши родители позвонят родителям Родиона и поздравят их с грядущей свадьбой. - Прагматично вмешался в их беседу Юстас. - Как вам такой расклад?

Маша вопросительно посмотрела на Родиона. Тот призадумался.

- А что, это было бы интересно. Так что говорите, не стесняйтесь. Кстати, а что стало с тем, кого вы любили? Сейчас вы его уже не любите?

- Люблю, - она недоуменно на него посмотрела. - Это мой муж.

Родион перевел взгляд на ее правую руку. Там на безымянном пальце сияло гладкое обручальное кольцо. Он поморщился. Почему он не заметил этого сразу? Заикнулся на своей исключительной ценности для девчонок?

Маша принялась прощаться.

– Очень приятно с вами повидаться снова, Родион, но мне пора. Меня сестра с дочкой ждут. Я к ним на день рожденья племянницы приехала, поздравить. Но теперь смогу и родителей успокоить. А то они очень недовольны моим замужеством. До свиданья!

Она улыбнулась и ушла.

Родион с усмешкой кивнул ей вслед.

– Вот она, судьба моя! Кто мог бы мне понравиться, уже пристроен, и вырваться из тесных уз брака не стремится.

У Юстаса лицо перекопилось, как от приступа острой зубной боли. Родион молча выругал себя. Опять он ненароком наступил другу на большую мозоль! Но Юстас справился с собой и небрежным тоном заметил:

– Она что, тебе понравилась?

– Могла бы понравиться при других обстоятельствах. Мила и ненавязчива. И что-то в ней есть притягательное.

– Она тебе понравилась только потому, что она для тебя безопасна. А вот если б она принялась тебя окучивать, то не понравилась бы однозначно.

– Естественно. И это нормально. Мне сегодня отец мораль прочел о том, что должен делать нормальный мужчина. Оказывается, он должен сам звонить понравившейся ему девушке!

– Да что ты говоришь? – Юстас изобразил изумление. – Никогда бы не подумал!

– Поскольку я никому из девчонок сам не звоню, то, в соответствии с этой классификацией, к нормальным мужикам не отношусь.

– Потише! – и Юстас показал взглядом на соседний столик, где устроилась компания развязных молодчиков в слишком уж лощеных костюмчиках.

Родион окинул их понимающим взглядом и потемнел.

– Пошли отсюда!

Подзывая, кивнул официанту. Друзья расплатились и вышли на Тверскую. Стемнело, мягко светили фонари, от их золотистого света чуть искрился асфальт под ногами.

– Итак, ты завтра едешь? Надолго?

– Как получится. Планировать не берусь. Надо будет все выяснить, все рассчитать. Сам знаешь, это непросто.

Юстас кивнул головой.

– Наших не видел?

– Кого конкретно? – со школы их дружило четверо парней. Из них двое оставались холостяками, Юстас развелся, Мишка был женат и потихоньку от прежней компании отходил.

– Ну, Михаила хотя бы?

– Нет. Ты же знаешь, он при детях и семье. Ему не до нас.

Юстас хмыкнул.

– Да, у него характер посильнее моего. Ну, ладно, вон мой автобус, пока! – и он длинными прыжками помчался к подходившему автобусу.

– Не понял? – вслед ему пробормотал Родион. – Характер посильнее? Что это значит?

Для него женитьба друзей никогда помехой дружбе не была. Он не считал, что жены будут против чисто мужских посиделок. Женатые друзья всегда вели себя пристойно, поэтому повода для жалоб у их жен быть просто не могло. К тому же они не так часто и собирались – не чаще раза в неделю.

Перед сном погулял немного по Тверской, погода была чудной. Народу было больше, чем днем. Парочки, небольшие группы и большие компании шатались туда-сюда. Шума и гама было невпроворот. Родион с сочувствием посмотрел на окна нижних этажей. Как можно спать в таком шуме? По собственному опыту знал, что в таких случаях даже пятикамерные стеклопакеты на окнах не помогают.

Пришел домой, принял душ, привычно напевая вполголоса под звуки льющейся воды. Потом шлепнулся в постель, проверил будильник, чтоб ненароком не проспять, и заснул спокойным безмятежным сном.

Глава вторая

Колеса мерно постукивали на стыках, навевая дремоту. Кондиционера в допотопном вагоне не было, и Родион исходил потом на верхней полке. Свою нижнюю он отдал немолодой женщине в широком сарафане. Сделал он это главным образом потому, что не представлял эту весьма габаритную даму взбирающейся на верхнюю полку. Хотя зрелище обещало быть весьма пикантным.

И вот теперь в благодарность она упорно кормила его домашними разносолами, предлагая то хрустящий огурчик, то румяную помидорку, то зеленый аппетитный лучок, все свежее, натуральное, со своего огорода, без вредных искусственных удобрений, нитратов и пестицидов. Родион безрезультатно отказывался. В конце концов, чтоб отстала, сделал вид, что заснул. И заснул в самом деле, проспав почти весь день. Нет, тридцать часов задыхаться от жары – это кошмар! Больше он настолько глубоко вливаться в ряды обычных граждан не будет.

Хотя народ был в вагоне разный, но настроены все были дружелюбно. Главным образом ехали к морю родители с детьми. К счастью Родиона, в его купе детей не было, но слышно было, как они гурьбой носятся по коридору. Для чего мучить детей в такую жару в поезде, когда можно лететь на самолете? Этого он понять не мог.

Через тридцать часов пути поезд притащился на нужную ему станцию. Стоял он всего одну минуту, и Родион, спрыгнув на перрон с сумкой, принялся помогать ехавшей в одном с ним вагоне семье аж с четырьмя детьми и кучей чемоданов. Последний чемодан проводница подала ему уже на ходу.

Вытирая пот со лба, глава семейства пожал ему руку.

– Спасибо, друже! Не знаю, как бы я без тебя справился. А ты куда?

– В Подлесную.

– Га! Припозднился ты. Автобусов сегодня уже не будет, первый пойдет только утром. Пошли к нам, переночуешь, а завтра я тебя на автобус провожу, чтоб не заблудился.

– Да, поедете к нам! Хата у нас просторная, не стесните! – присоединилась к мужу статная улыбающаяся казачка. Младший сын весело подпрыгивал у нее на руках, что-то довольно гулькавая. – Сейчас брат подъедет, он нас и отвезет.

К станции подкатил старый Опель, по меркам многодетной семьи весьма удобный и даже престижный. Из него вылез здоровенный бугай, по-домашнему обряженный в черное трико и вытянутую майку. Похлопал по плечу сестру, перецеловал детей, пожал руку зятю.

– Слышь, Микола, этого парня надо с нами до хаты подвезти, добрый хлопец! – по-свойски приказала казачка брату.

Родион был уверен, что тот будет отнекиваться, говорить, что машина не резиновая, поминать ПДД и ГИБДД, но Миколу обилие пассажиров ничуть не смутило.

– Та без проблем! Сначала сядут взрослые, дети к ним на колени, а какие шмотки не войдут в багажник, те под ноги закидаем и на крышу, и все дела!

Родион озадаченно покрутил головой.

– Может, ты меня лучше до Подлесной довезешь, дружище? Меня там ждут.

– А кто ждет? – заинтересовался Микола.

– Алексеев, Константин Петрович, может, знаешь?

Тут все семейство дружно воскликнуло:

– Константин Петрович! Та кто ж его не знает? Он сколько лет председателем нашего колхоза был! А ты ему кто?

Родион не стал греться в лучах чужой славы, и скромно доложил:

– Да я сын его друга. Батя меня послал навестить, спросить, не надо ли чего.

– Это правильно! – Микола одобрил этот благородный поступок от всей души. – Друзей забывать нельзя! Хотя я думаю, что у Константина Петровича все есть, но внимание всего дороже!

– Я тоже так думаю. Потому и поехал.

– В отпуске небось? – казалось, все забыли о том, что им нужно добираться до дома, и принялись дружно расспрашивать случайного попутчика.

Но самый младший решительно напомнил им о цели их путешествия, громко раскричавшись. Микола пообещал:

– Ладно, я счас малых до дому подброшу и вернусь. Тут до Подлесной полчаса ходу, до темноты управимся. Жди меня здесь!

Он уехал, а Родион присел на скамью возле маленького вокзала, наблюдая за происходящим вокруг. С их поезда сошло человек десять, и за всеми приехали на машинах родственники, все больше на иномарках, правда, несколько потрепанных, видимо, российские дороги не способствовали сохранности машинок. Что приезжала родня, видно было по объездам и поцелуям. Говорили все очень громко и быстро, выговаривая вместо «г» «х».

Мимо, не останавливаясь, проносились скорые поезда. Родион рассеянно провожал их взглядом, гадая, так ли в них неудобно, как в том, что привез его, или они все же получше?

Микола вернулся через полчаса. От него крепенько пахло бражкой, и Родион представил, как их останавливает ГИБДД, отбирает у Миколы права, а он сам тащится с сумкой в темноте по незнакомой дороге.

Отгадав его сомнения, Микола хохотнул и заверил:

– Не бойсь, у нас тут гаишников нету! У меня прав отродясь не бывало, а гоняю я вот уже лет десять! Закидай барахло в багажник, поехали!

Крышка багажника поднялась, Родион положил в него сумку, сел рядом с Миколой на переднее сиденье, и они помчали.

Родион никогда не считал себя медлительным водителем, но что такое настоящая езда, узнал только сейчас. Микола гнал по гравийной дороге так, будто хотел победить в ралли «Париж-Дакар». При этом он беззаботно болтал, то и дело поворачиваясь лицом к пассажиру и не глядя на дорогу.

До крыши подскакивая на кочках и ухабах, Родион меланхолично раздумывал, доедет он живым до Подлесной, или нет. Если доедет, это будет целиком заслуга его ангела-хранителя, а не лихого водилы.

Вот они с маху заскочили с гравийки на асфальт, и Микола с сожалением сбавил скорость. Уверенный, что пассажир, как и он, предпочитает летать на машине, ведь «какой русский не любит быстрой езды», извиняясь, пояснил свою улиточную скорость:

– Здесь быстро ездить нельзя. Скот по дороге ходит, можно сшибить кого-нибудь. Потом греха не оберешься. Я вот в прошлом году козу дурноватую подшиб, так денег на целую корову отдал.

Мимо проплыли добротные кирпичные дома в два-три этажа, и Микола мимоходом пояснял, кто где живет. Произносимые им имена и фамилии Родиону ни о чем не говорили, поэтому пролетали мимо ушей.

Остановились возле довольно скромного по сравнению с окрестными особняками длинным оштукатуренным кирпичным домом, покрашенным в симпатичный жемчужный цвет.

– Дом старый, два века ему, – оправдывая его неказистость, сообщил Микола, – зато удобный. Стены – во! – он широко раздвинул руки, показывая толщину стен, напомнив Родиону рыбака-сказочника. – Ракетой не пробьешь! На яичном белке замешаны! В любую жару прохладно!

Он вышел. По его суждению, с предельной деликатностью пару раз слегка стукнул кулаком в дверь, отчего та загудела, как пустая бочка. Родион забрал из багажника свою сумку и встал рядом.

– Сколько с меня? – достал кошелек и приготовился отдать, сколько запросит.

Но Микола его не понял, и даже несколько оскорбился.

– Ты что? Да разве ж мы со своих когда деньги брали?

Родион поспешно убрал кошелек.

– Извини, но нужно же предложить! Ты же понимаешь!

Тот сменил гнев на милость.

– Ладно, но больше не предлагай!

– Тебе не буду. Но если кто мне еще поможет, то как же не предложить? Сам знаешь, неблагодарность – смертный грех.

Микола озадачился столь сложной дилеммой. Прекращая непосильные для него логические потуги, дверь распахнулась, и на пороге показалась немолодая, но крепкая женщина в длинном светлом платье, с косынкой на голове.

– Вот, Елена Гавриловна, гостя вам привез! – гордо возвестил Микола.

Родион хотел было представиться, но хозяйка внимательно посмотрела на него и приветливо сказала:

– О, да это Родион! Давненько я тебя не видала! Вырос-то как! На отца стал больше походить, а то копия маменьки был. Заходи! И ты заходи, Микола, отдохни с дороги.

– Нет уж, Елена Гавриловна, я домой. Скоро стемнеет, а мне маминька по темноте ездить не разрешает! – с этими словами Микола прыгнул на своего железного коня, лихо развернулся и помчался обратно.

Родион вошел вслед за Еленой Гавриловной в просторные сени и спросил:

– Это он пошутил про «маминьку» или нет?

– Почему пошутил? Мать у него в самом деле строгая, в ежовых рукавицах его держит. Да и как не будешь строгой, когда этот бугай до сих пор холостякует? Все его ровесники давно женаты, один он дурью мается. Ну да хоть парень добрый, отзывчивый. А вот и твоя горница. Она летняя, не запаришься. Если станет жарко, скажи, у нас переносной кондиционер есть. Хотя от него больше вреда, чем пользы: под ледяной струей быстрехонько простыть можно.

Из сеней они прошли в одну из летних комнат.

– Она из дерева, здесь дышится хорошо. Мы летом тоже в пристрое живем. Раньше дом-то двухэтажным был, верх деревянный. Но в революцию верх сгорел, здесь бои шли. Восстанавливать его не стали, пристрои деревянные только поставили. Вот и мы привыкли, переделывать ничего не стали. Это дом-то Кости, ему по наследству от родителей достался. Располагайся да выходи, скоро ужин. Если хочешь помыться с дороги, напротив ванная есть. Не стесняйся, будь как дома.

Она вышла, и Родион огляделся. Комната была небольшой, но необычно уютной. Может, потому что вокруг была старая, если не старинная, мебель? Высокая металлическая кровать с шариками наверху, он таких и не видел никогда, с кружевным покрывалом сверху и кружевами понизу. Как их называют? Он напрягся, и откуда-то из глубины памяти всплыло странное слово «подзор». И где он это слышал, интересно? На две высокие подушки накинуты кружевные накидки. Кружева были туго накрахмалены, со сложным, даже изысканным, узором. Ну, прямо музей народного творчества!

В углу притулилось кресло в сероватом льняном чехле, рядом трюмо с тумбочкой, пара венских стульев, и высокий, до потолка, шкаф. Родион маленьким не был, все-таки под два метра ростом, но до верхней полки не доставал. На каких же великанов это рассчитано, и кто это смастерил?

Решил принять душ, открыл чемодан, вспомнил, что полотенце не взял. В отелях же всегда полотенца есть, вот он и забыл. Интересно, приготовила ли ему Елена Гавриловна полотенце? Если нет, то придется идти в магазин. Интересно, где он?

Прошел по сеням и уперся в небольшую дверцу. Ванная это или нет? Вдруг он сейчас окажется в девичьей спальне, и ему придется жениться? Вряд ли ему удастся отвертеться, говоря, что он перепутал двери. Поймав себя на заполошных опасках, смущенно хмыкнул. Этот дом будто перенес его на пару столетий назад, вот и лезут в голову дурные мысли. Или он уже настолько привык удирать от навязчивых особ, что это стало его второй натурой?

Открыл дверь, и с невольным облегчением вздохнул. Это и впрямь оказалась ванная комната, причем весьма современная: посередине довольно большой по городским меркам комнаты стояло джакузи, сбоку – душевая кабина, рядом с ней умывальник. А вот где туалет? Неужели на улице?

Вернулся в коридор. В стене оказалась еще одна небольшая дверца, и он толкнул ее, ожидая увидеть что-то вроде кладовой. Но это оказался цивилизный туалет с унитазом и рукомойником.

В ванной на пластиковой тумбе лежал комплект из трех полотенец хорошего качества. Прямо как в отеле! – восхитился Родион, и принялся приводить себя в порядок.

После душа, чувствуя себя вполне бодрим и свежим, достал из чемодана легкие брюки и рубашку с коротким рукавом. Переоделся и решил, что вполне готов для знакомства с главой семейства. Вышел в коридор и озадаченно повертел головой. Куда идти? Дверей несколько, не хотелось бы ворваться в чужую комнату.

В коридор забежал длинноногий мальчишка со смешными оттопыривающимися ушами, в шортах и свободной футболке.

– Дядя Родион? Меня дед послал за вами. Велел показать, куда идти.

– Спасибо, друг! – прочувствованно сказал Родион. – Я как раз гадаю, куда же мне направляться.

– Это просто. Летом мы на веранде едим. Раньше в летней кухне ели, но теперь дед веранду построил, говорит, это удобнее.

Он вприпрыжку побежал вперед, Родион за ним. Веранда оказалась почти рядом, через две двери. По мнению Родиона, это была скорее крытая терраса, примыкавшая одним концом к дому, другим к летней кухне.

За широким длинным столом сидели четыре человека. Елена Гавриловна, уже поставившая на стол кастрюли, салатники и горшки, сидела рядом с круглолицым улыбающимся мужчиной в серой тенниске. При виде Родиона он привстал и протянул ему руку.

– Здравствуй, здравствуй, Род! Рад тебя видеть! Как батя?

– Добрый вечер, Константин Петрович! Я тоже рад видеть вас в добром здравии! Отец в порядке, шлет вам привет. Мама тоже.

– Давай я тебя со своими домочадцами познакомлю. С моей женой ты уже знаком, а это внуки Сашка да Егорка. За тобой Егорка сбегал. Есть еще Данка, внучка, но она в кино умотала, будет не скоро. Завтра увидишь.

Внучка, умотавшая в кино? Сколько же ей лет? Не хотелось бы снова пасть жертвой очередного ухаживания. Хотя казачки вроде и не должны за парнями

ухлестывать, но кто его знает? Решив сразу же дать ей понять, что девицы, особенно сельские, его не интересуют, Родион кивнул в знак общего приветствия, и трапеза началась.

Это и в самом деле была трапеза. Долгая, неторопливая, с разговорами и поучениями. Родион заметил, что внуки и не думали огрызаться на замечания деда, а слушали молча, изредка кивая. Как в Библии: «Почитай отца и мать своих»? Припомнил, как он, будучи в этом же возрасте, фыркал на любое замечание отца, считая его отсталым и несовременным. Похоже, в этой семье таким фанфаронством не грешат.

На столе была такая уйма еды, что Родион поразился. Свежие овощи и фрукты со своего сада-огорода, это понятно. Сыр, творог, колбаса, это тоже ясно. Но откуда красная рыба и икра? Или это для него так Елена Гавриловна расстаралась? Не похоже: все ели деликатесы спокойно, а младший, Сашка, вообще скорчил брезгливую гримасу, когда Егорка намазал икру себе на хлеб.

– Как ты эту гадость только ешь?

Дед строго на него посмотрел, и внук тут же замолк, уткнувшись носом в тарелку.

Родиона спрашивали о жизни в Москве, но как-то не слишком, без особого интереса, и он понял, что москвичи в провинции не особо котируются. Ну, правильно, «Москва не Россия, Россия не Москва».

Дело двигалось к одиннадцати часам, и Родион почувствовал, что начал клевать носом. Заметившая это Елена Гавриловна предложила:

– Иди отдыхай, Родион, ты, чай, притомился с дороги. Мы сейчас тоже спать пойдем, завтра вставать рано.

Родион поблагодарил за вкусный ужин, пожелал всем спокойной ночи, и отправился в свою комнату. Лег в кровать, низко прогнувшись под ним, понял, что это панцирная сетка, и уснул, даже не успев удивиться.

Наутро проснулся от заливистого пения петуха. Спросонья удивился такому странному сну, но после прослушивания этого настырного «кукареку» раз десять подряд, сообразил, что это не сон. Сел, потянулся, глубоко вдохнул воздух с запахом разнотравья, и внезапно подумал, что жить здесь было бы вовсе неплохо.

Вышел в ванную, привел себя в порядок. Оделся так же, как вчера, в светлые брюки и рубашку, вышел во двор. И поморщился. Во дворе спиной к нему стояла высокая тоненькая дивчина и за что-то корила спрятавшегося от нее в конуру большого пса.

Да что ж это такое! Сейчас начнется: кто вы, да откуда. Хотя она и без того это знает, ей наверняка бабка все про него рассказала. Хотя, возможно, о том, что он сын олигарха, Константин Петрович говорить запретил, так что, может, этого она и не знает.

Делать нечего, надо хотя бы поздороваться. Все равно ее никак не обойдешь. Наверняка специально здесь стоит, его караулит. Уж больно наивным выглядит трюк с поучениями собаке. Кашлянув, чтобы привлечь ее внимание, Родион подошел поближе и придал своей физиономии рассеянно-равнодушный вид, чтоб до нее сразу дошло, что он за ней приударять не собирается.

Она повернулась, и у него перехватило дыхание. Такого он не ожидал. Она была потрясающе красива. Синие до фиолетовой густоты большие глаза, белоснежная кожа и сверкающие на солнце спрятанные в длинную косу темно-каштановые пряди сделали бы честь любой фотомодели. Высокий лоб подчеркивали соболиные брови. Но прелестная улыбка на пухлых губах почему-то показалась ему пренебрежительной.

Пытаясь прийти в себя, Родион беспомощно покашлял. Девушка с заинтересованным видом следила за его бесполезными попытками. Не дождавись результата, с некоторым коварством предложила:

– Может, по спине постучать? Говорят, помогает. – Голос у нее был такой же красивый, как и она сама, с певучими переливами, соблазнительный и мягкий.

Родион согласно покивал головой. Одна мысль, что она прикоснется к нему своими нежными ручками, ввела его в странный, нереальный экстаз.

Но ручки оказались вовсе даже не нежными. Она пару раз так гроыхнула ими по его спине, что голос у него сразу прорезался:

- Эй, полегче! Ты меня так калеккой сделаешь!

- Какие вы, горожане, хлипкие! Того и гляди, рассыплетесь!

Родион поежился под ее пренебрежительным взглядом. Еще ни одна девчонка не смотрела на него, как на ничтожество. За что она его так невзлюбила?

- Может, познакомимся? – корректно предложил, рассчитывая на ответную вежливость.

Но девица в ответ только фыркнула.

- Чего нам знакомиться? Ты Родион, я Дана, это всем известно. И некогда мне с тобой лясы-балясы точить-разводить, у меня дел полно. Кстати, завтрак ты проспал, но можешь попросить чего-нибудь у бабушки. Опоздавшим она еду не дает, но над тобой, может быть, и смилостивится. Ты все-таки какой-никакой, а постоялец. Обед в два часа. Если, конечно, не забудешь.

Перекинув косу на спину, она отправилась куда-то за дом, даже не взглянув на опешившего гостя.

Пожав плечами, Родион пошел по станице, вяло размышляя, такая она со всеми или только с ним? Вспомнив, что это один из обычных девчачьих завлекалок: делать вид, что внимания на парня не обращаешь, приободрился. И вдруг понял, что впервые в жизни готов позвонить Дане сам, и даже начать ухаживать.

Но вот как нужно ухаживать за казачками, особенно за теми, которые играют в неприступность, он не знал. И спросить было не у кого. Не станешь же выпытывать у Константина Петровича или Елены Гавриловны, как нужно ухаживать за их внучкой? Они его просто не поймут.

Походил по станице, поговорил с людьми, выяснил, что разводят скотины они ровно столько, сколько могут продать. Но, если найдется покупатель, то могут раз в десять больше. Но года через три-четыре. Это Родиона не устраивало. Ему

нужно было побыстрее.

Около двух часов пополудни повернул назад в дом Константина Петровича, и почувствовал странные перебои сердца. Что это с ним? Догадавшись, что это от предвкушения встречи с Даной, поразился. Неужели такое может быть?

Сев за стол на веранде, понял: может. И еще как! Дана была еще красивее, чем утром. На ее щеках горел яркий румянец, видимо, от интенсивной работы. Елена Гавриловна тоже заметила это и заботливо попросила:

- Дануся, не работай в наклон в такую жару. Вон как покраснелась!

- Я и не работала, бабуся! Честно говоря, меня Васянька рассмешил.

Константин Петрович поднял голову.

- А что, интересно, Васька на нашем огороде в разгар рабочего дня делал?

Родион сразу подобрался. Кто такой Васька? Конкурент? И почему он не подумал, что за такой красоткой наверняка полстаницы волочитесь?

Дана небрежно махнула рукой.

- У него трактор сломался, дед, не ворчи. Вот он по пути с мастерской к нам и заглянул.

Тут уж охнула Елена Гавриловна.

- По пути? Где мастерская, а где наш надел?

- Ага, это как до сельпо через Париж шастать, - Константин Петрович раздраженно пристукнул кулаком по столу. - Ух, скажу я про него Григорию, будет знать!

- Ябедничать нехорошо, дедушка! - степенно заметил Егор. - Ты мне сам это много раз говорил.

– Это не ябедничество, – попытался вывернуться прижатый к стенке дед, – а забота о коллективном имуществе! Васька же за работу деньги получает!

– Это ты правильно сказал, дедушка: за работу, а не за простой! – Дана взяла из высокой стеклянной вазы яблоко и впилась в него крепкими белыми зубами, отчего у Родиона по коже прокатилась чувственная дрожь. – А пока трактор в ремонте, за работу ему не платят!

– Не жуй за разговором! – бабушка была недовольна ее поведением. – Это и невежливо, да и подавиться можешь!

Мальчишки одновременно фыркнули, и тут же сделали вид, что это не они.

Видно было, что деду очень хочется наставить внуку на верную дорогу, но присутствие гостя здорово мешает. Он только крякнул и принялся за еду. В отличие от ужина поели быстро: было слишком жарко, чтоб разговаривать.

– Мы после обеда с часик отдыхаем, переживаем жару. Хотя сегодня не особо печет. – Константин Петрович с удовольствием посмотрел на стоящую перед верандой яблоню, живописно склонившую ветви с ярко-красными наливными яблоками до самой земли. – И ты передохни. Не шатайся теперь по селу. Все равно никого не встретишь.

– Да как же! – Сашка поспешил развеять дедову уверенность. – Данькины ухажеры и в самое пекло под окнами толкуются.

Дед сердито посмотрел на внука, выдававшего семейные секреты.

– Так делают только дураки, запомни это! – и поднялся из-за стола, показывая пример все остальным.

Следуя местному укладу, Родион тоже решил передохнуть в своей комнате. Скинул брюки с рубашкой и улегся в прохладной постели, забросив руки за голову и невесть чему улыбаясь. Через приоткрытое окно было слышно все, что делается во дворе, и он насторожился, услышав чьи-то крадущиеся шаги по утопанной земле. Потом раздался какой-то непонятный шорох, похоже было, кто-то заскочил в соседнее окно.

Родион обмер. Что делать? Воры это или просто гости? Вдруг к Дане таким образом ходят поклонники? Подошел к окну, выглянул, никого не видно. Быстро натянул шорты, вышел в коридор, раздумывая, как поступить. К комнате в конце коридора подошла Дана, демонстративно не глядевшая по сторонам.

- Подожди! - с этим воплем Родион кинулся за ней.

Она недовольно притормозила возле дверей.

- Чего тебе?

- Кто-то забрался в дом! А точнее, к тебе! - предупредил ее Родион, понизив голос и опасливая поглядывая на дверь в ее комнату.

Она скептически подняла брови.

- Это новый способ завязать разговор? Ищем вора вместе?

- Не думаю, что это вор, - логично заметил Родион. - Скорее пылкий поклонник.

- Поклонник? - на скулах Даны вспыхнули алые пятна гнева. - За кого ты меня принимаешь? За жалкую шлюшку? Ко мне парни в окно не лазят!

Оттолкнув непрошеного заступника, она открыла дверь и захлопнула ее у него под носом. Он поплелся к себе, не понимая, какого лешего его понесло вмешиваться в чужую жизнь. Хотя себе-то чего врать? Если б это была не Дана, ему бы и в голову не пришло даже пальцем пошевелить.

- Получил? Благодетель! Ну да ладно, впредь буду умнее. - С этими словами Родион вошел к себе.

Снова послышался шум. На этот раз он походил на полновесную пощечину. Выглянув в окно, Родион с чувством советского партийного лидера, а именно с глубоким удовлетворением, увидел, как из соседнего окна вылетел длинный худой парень и пулей пронесся по двору. Мирно спавший в тенечке возле конуры здоровенный рыжий пес поднял ухо, услышал чужие шаги, и внезапно вспомнил про свои прямые обязанности.

Вскочив, он в два прыжка нагнал нарушителя своего драгоценного спокойствия и прыгнул, рассчитывая вцепиться в его мягкое место. Но не рассчитал. Цепь, на которую он был посажен, оказалась коротковата, его отбросило назад, на спину. Пока он пытался вскочить на лапы, жажда продолжить погоню, парень, спасенный цепью от жестокой расправы, сиганул через забор и исчез.

Все это было проделано в полнейшей тишине.

Родион восхитился. Вот это выучка! Даже собака знает, что нарушать послеобеденный покой обитателей дома нельзя.

Итак, Дана наивно считала себя особой неприкосновенной. И просчиталась. Он мстительно усмехнулся. Интересно, что она будет лепетать при их очередной встрече?

Но она ничего лепетать не собиралась. Отвернувшись от окна, Родион увидел ее стоящей посередине его комнаты. Ее глаза метали молнии, руки были сжаты в кулаки.

– Ты что, решила и мне за компанию пощечину отвесить? – Родион машинально отступил назад. Он не привык, чтоб его били девчонки, да и вообще кто бы то ни было. И если мужику вполне можно дать сдачи, то как приструнить эту искрящуюся яростью валькирию?

– Не трусь! – с холодным презрением заявила она. – Я никого не обижаю за просто так! Я пришла тебя предупредить, чтоб не трепался!

– Могла бы и не приходить, – сердито отрезал Родион. – Я и без твоих предупреждений ничего никому говорить бы не стал!

– Ах, какие мы благородные! – она ему явно не верила. – В общем, так: рот раскроешь – схлопочешь! – и она бесшумно удалилась.

– Нет, можно подумать, это я виноват в том, что к ней в окно парни лазят! – запоздало возмутился Родион. – Кошмар какой-то!

И вдруг тихо засмеялся. В самом деле, это было смешно. Будто комедию посмотрел из старого доброго немого кино. Парень, втихаря удирающий от разгневанной пассии, молча догоняющий его пес, а потом, как кульминация, появление разгневанной богини.

Родион даже возмущаться не мог, настолько хороша была пылающая праведным негодованием Дана. Эх, если бы он не боялся схлопотать добротную оплеуху, он бы ее непременно поцеловал.

Но ходить с синяком под глазом ему невместно. Побитая морда у деловых партнеров доверия, как правило, не вызывает. Не то, что у собутыльников. Там фингал признак геройства, своего рода медаль за отвагу.

Посмотрел на часы. Миновало всего-то пятнадцать минут после обеда, а сколько за эти четверть часа произошло событий! Поездка по окрестным полям с председателем у него была назначена на три часа, времени еще завались. Он решил сходить к Дане. Надо хотя бы попытаться выяснить, с чего это она на него так взъелась?

Посмотрел на себя в трюмо. Вид вполне приличный. Подумаешь, грудь голая, зато мускулатура развитая, не то, что у удравшего дохляка. Решительно прошел по коридору, но перед ее дверью замер и принялся топтаться на одном месте, как в детстве перед кабинетом отца, ожидая наказания за шалость.

Понужнув себя геройским «не дрейфь!», он постучал. Стук вышел неуверенным, даже робким. Да что это с ним такое? Он же всегда был смелым парнем?!

В ответ послышалось приглушенное «войди»! Он отрыл дверь и вошел. Дана сидела у окна, расчесывая волосы. Они облаком закрывали плечи и спину, спадая ниже спины. Родион заметил, что распущенными они оказались гораздо длиннее, чем заплетенные в косу.

Дана пораженно уставилась на Родиона.

– Тебе чего? Я-то думала, это Егорка приперся за книжкой.

– А это я приперся. И не за книжкой, а поговорить.

– У нас чужакам на женскую половину заходить запрещается! – выговорила она, чопорно поджав губы.

– Ну, раз я все-таки здесь, то давай перекинемся парой слов. От твоей женской чести от этого не убудет! – с сарказмом заявил Родион и демонстративно уселся на стул.

– Ладно, – нехотя согласилась негостеприимная хозяйка. – Чего тебе?

– Чего ты на меня взъелась? – решив говорить так же по-простому, как и она, поинтересовался Родион. – Чего я тебе сделал?

Она чуть сощурила глаза, наклонив голову. После небольшой заминки сказала:

– Ничего ты мне не сделал.

– И не мог сделать, поскольку до сегодняшнего дня не был с тобой знаком.

Ему показалось, что она хочет возразить, но Дана молча принялась заплетать косу, закинув руки за голову. От этого жеста грудь у нее поднялась и напряглась, и Родион застенчиво уставился в пол, понимая, что это зрелище не для его слабых нервов.

– Ну, так с чего ты меня невзлюбила?

– А я вообще городских хлипаков не люблю, – вызывающе заявила она. – Мне нравятся сильные парни. Вот такие, как Степан. Он трактор одной рукой удержать может.

Родион решил, что она привирает.

– С чего ты решила, что я слабак?

– По тебе сразу видно. А девчонкам нравятся сильные мужчины!

Не выдержав прямого оскорбления, Родион сделал быстрый шаг вперед, поднял, обхватил ее руками так, чтобы ее руки оказались в кольце его рук, плотнее прижал к себе, чтоб не вырвалась, и поцеловал.

К его удивлению, она не сопротивлялась, и поцелуй затянулся. С трудом оторвавшись от ее губ, он заглянул в ее глаза. Они были спокойны, холодны и презрительны.

- Что, только так и нужно поступать с деревенскими дурочками?

Он никак не мог прийти в себя от завораживающего и тело и душу поцелуя, поэтому возмутился с трудом:

- Да какая между девчонками разница? – плохо соображая, что говорит.

Дана с силой отбросила его от себя.

- Какая разница между деревенскими и городскими дурындами? – уточнила с угрожающим спокойствием.

На всякий случай Родион стал медленно отступать к двери.

- Ты мои слова не перевирай! – он окончательно запутался и не знал, как выпутаться. Голова после поцелуя совершенно не соображала.

Дана расплылась в фальшивой улыбке.

- Как приятно знать, что ты придерживаешься в этой области принципов равноправия. Консенсус своего рода?

У него мелькнула слабая мысль, что для простой деревенской девчонки она знает слишком уж мудреные слова, и тут же пропала. Вместо нее появилось страстное желание захлопнуть за собой дверь снаружи и скрыться в своей комнате. Исключительно в целях личной безопасности.

- Что-то ты слишком уж настроена против меня. Тебе случайно никто из горожан на хвост не наступал? – он нащупал позади себя ручку двери и приготовился

дать деру в случае чего.

– Нет. Кто бы посмел? – она очаровательно улыбнулась, сверкнув белоснежными зубками. – Из городских денди ты будешь первым, кому на хвост наступлю я! – и она сделала угрожающий рывок к нему.

Но Родион оказался проворнее. Распахнув дверь, тут же оказался снаружи и захлопнул ее перед носом Даны. Пользуясь ее заминкой, бросился к себе. Забежав, подпер дверь стулом, поскольку никаких запоров на ней не было, и понял, что задыхается от смеха.

От души смеялся минут пять, если не больше. Потом подмигнул своей покрасневшей от смеха физиономии и понял, что ему здесь очень нравится. Как бы умудриться задержаться здесь подольше? Руку сломать или ногу? Нет, не годится, его тут же отправят домой. Расстройство желудка? Тоже не подходит, еще заподозрят какую-нибудь холеру и положат в больницу. Надо подумать.

На часах было уже без десяти три, и он направился к конторе, где его должен был ждать председатель. Явился в три ноль-ноль. Зашел в приземистое прохладное здание и прошел по коридору. На стенах висели фотографии коров с надписями: «Матильда. Рекордсменка с 1955 по 1961 год. Доярка Глафира Петренко». «Афродита. Рекордсменка с 1965 по 1972 год. Доярка Глафира Петренко». Первые фотографии датировались тридцатыми годами. Они были небольшими, черно-белыми и весьма потрепанными. Последние были уже цветными, гляцевыми и огромными, чуть ли не в полный коровий рост.

С интересом прочитав их все, Родион подошел к двери с табличкой «председатель правления». Открыл дверь, пусто. Интересно, секретарша у председателя есть или она ему по штату не положена? Если в хозяйстве введен режим жесткой экономии, то все может быть.

Но стол для секретаря стоял, на нем присутствовал довольно новый компьютер, правда, выключенный. Рядом расположился принтер, факс и сканер. В принципе, весь комплект офисного оборудования был на месте. Вот только самого офисного работника не было.

Прерывая его размышления, в комнату заскочила Дана и бросилась за стол. Он изумился.

– Что ты тут делаешь? – это у него прозвучало так, будто она на его глазах выгнала из правления беднягу секретаршу, чтоб незаконно занять ее место.

– Я здесь работаю! – огрызнулась Дана. – И опоздала исключительно из-за тебя! – не давая ему ответить, включила переговорник и объявила: – Ксан Потапыч, вас городской денди помогает!

В переговорнике раздался легкий смешок, и глубокий бас, вполне соответствующий отчеству, разрешил:

– Проси!

Дана сделала своеобразный жест, который можно было понять двояко: и как «проходи», и как «идти-ка ты восвояси»! Родион решил понять его как приглашение, и зашел во внутреннюю дверь. За ней оказалась довольно просторная комната с длинным столом у окна, видимо, для совещаний. В противоположной от двери стене стоял стандартный офисный стол с компьютером, и большой письменный стол. За ним восседал, другого слова Родион подобрать не смог, величественный дядька с копной черно-белых волос, с пышными усами, мощными широкими плечами, в вышитой крестиком рубахе.

Родион сразу вспомнил старый фильм «Кубанские казаки». Председатель был родом оттуда. Типичный казак?

Поднявшись, Ксан Потапыч оказался одного роста с Родионом, но раза в два шире. При этом толстым он не был. Этакая гора сплошных бицепсов и трицепсов. Родион мысленно порадовался, что ему не придется встречаться с ним на ринге. Вырубит одним ударом.

Протянув руку для приветствия, Ксан Потапыч приветливо проговорил:

– Здравствуй, Родион! Вон ты какой красавец! Ты уж нашу Дану извини, она порой не слишком удачно шуткует.

– И вам доброго дня, Ксан Потапыч. А шуткует неудачно Дана потому, что слишком уж красива.

Председатель на мгновение задумался. Казалось, он никогда на Дану особого внимания не обращал. Бегают тут, суетится, и ладно.

– Да, девка она справная, не спорю, – вынес наконец свой вердикт, – но у нас и краше есть. – И перешел к делу: – Константин Петрович говорил, что у тебя к нам какой-то практический интерес имеется?

– Да. Отец хотел бы тут перерабатывающий заводик поставить, но не знает, хватит ли для него сырья.

Председатель заметно взбодрился.

– Это надо обсудить. Какая мощность у заводика намечается?

– А вот это будет зависеть от объема сырья. Думаю начать с молокоперерабатывающего модуля. Сметана, масло, сыр, йогурты и прочее. Потом мясоперерабатывающий модуль поставить.

– Мудро, мудро! Но давай по нашим фермам проедем, по отрубам с крепкими хозяйствами, там и прикинем, что почем.

Они вышли из кабинета. Ксан Потапыч, не оглядываясь, прошел вперед, кинув на ходу секретарше:

– Я поехал по объектам, ежели что, пусть звонят на сотовый. И по пустякам пусть не беспокоят! – и вышел.

Родион задержался у стола Даны, с некоторым беспокойством предложив:

– Вернусь, сходим в кино?

– Не-а. Я со Степаном иду. Неужели ты думаешь, что у меня путных ухажеров нету? – она даже не соизволила оторвать взгляд от монитора.

– Дело твое, – мирно заметил Родион, пропуская мимо ушей очередной намек на свою ущербность. Вышел, гадая, пошла бы она с ним, зная, что он, по сути, богач, или нет? Почему-то казалось, что нет.

Ксан Потапыч подждал его в коридоре, любуясь фотографией Афродиты.

– Вот это корова! – с восторженным придыханием возвестил председатель несколько ошарашенному гостю. – Красавица, умница, рекордсменка! А жирность какая была! Не поверишь – аж восемь с половиной процента! Скажи, никто ведь не верит! Сейчас таких коров уж нет. Повывели ту породу, все кровь иноземную приливали. Нет, чтоб свою развивать, все перед западом стелились. Вот при царе-батюшке русское ценили, свое, исконное, а большевики с коммуняками...

Родион поспешно спросил, чувствуя, что председатель сел на любимого конька:

– А почему у вас коровы в таком почете, а не доярки?

Ксан Потапыч тихонько хохотнул в усы. Впрочем, «тихонько» в его понимании. В действительности от его смешка по длинному коридору пронеслось тягучее эхо.

– А потому что первые доярки, победившие в тридцатые годы в тогда еще стахановском движении, были одна жена председателя, а другая, уж извини, его любовница. Вот чтоб раздоров и подозрений разного рода в пособничестве председателя ни той и ни другой не было, решили делать фото коров, а не доярок. А потом это как-то прижилось, стало традицией. Народу нравится. Ни у кого нет, а у нас есть.

Они с Ксан Потапычем вышли на улицу. В лицо ударил тяжелый жгучий ветер, и Родион отвернулся, спасаясь от пыли. Ненароком поднял взгляд. Из окна на него смотрела Дана с все тем же презрительным прищуром. Родион скорбно усмехнулся. Опять он в ее глазах выглядит слабаком! Расправил плечи, подтянулся, снова посмотрел на окно. Ее уже не было.

В сером потрепанном УАЗике они до позднего вечера колесили по округе. Заглянули в пару соседних хозяйств, также весьма и весьма заинтересовавшихся открывающимися перспективами.

После оценки возможностей постановили начать с модуля, перерабатывающего фрукты, овощи и пряные травы, коих в округе было в избытке. Потом добавить к нему молокоперерабатывающий, а уж там как дело пойдет.

Решили составить и подписать соглашение о намерениях, а потом для проработки договоров привлечь юридическую службу фирмы. В принципе, Родиону здесь больше делать было нечего, можно ехать домой, но он решил заняться составлением договоров собственноручно. Зря он, что ли, юрфак кончал?

Глава третья

После бесконечных разъездов по округе они с Ксан Потапычем, уставшие и пропыленные, остановились перекусить в местной кафешке. Там сидели главным образом молодые парни, попивая в прохладе пиво: в помещении вовсю работал кондиционер. Председатель окинул их суровым взглядом и чуть слышно, но с явственным недовольством, крикнул. Парней тут же как ветром сдуло. Во всей кафешке остались две немолодые пары, по виду приезжие.

Не успели они устроиться подле окошка, где их не доставали потоки холодного воздуха из-под кондиционера, как к ним подбежала пухленькая официантка с испуганными глазами.

– Чего изволите, Ксан Потапыч?

– Чего изволю? – председатель залихватски подкрутил усы. – Да чего-нибудь вкусного. Вкусное есть?

– У нас все вкусное, – обиделась за свой общепит официантка. – Вот меню! – и она подала глянцевую обложку.

– Тогда давай все самое вкусное, и чтоб со вкусом! – распорядился Ксан Потапыч, отодвигая в сторону меню. – Это я и глядеть не буду.

Официантка кивнула и мелкой рысцой побежала в сторону кухни, из которой высовывались любопытные головы в белых колпаках.

– Уважают вас здесь, Ксан Потапыч, – признал Родион.

– Уважают, как не уважать! – скромно согласился председатель. – Я ж для них как батька родной, и день и ночь кручусь. Время сейчас деятельное, столько перспектив открывается благодаря этим санкциям, только успевай поворачивайся!

К столу уже спешила официантка со шкаликом домашнего винца, двумя хрустальными бокалами и легкими закусками.

– Вино Гогино? – строго спросил Ксан Потапыч, подняв шкалик и рассматривая его на свет.

– Лично из своих запасов налил, – заверила официантка. – Не пожалеете.

– Ну, если и впрямь из своих запасов, то не пожалеем. – Официантка снова убежала, а Ксан Потапыч пояснил: – Тут у нас Гагик всем заправляет. Он-то сам местный, у него еще дед с бабкой сюда из Грузии уехали. Но винодельческие традиции соблюдает, у него вино лучшее во всей округе. Секреты свои не выдает, гад такой. И правильно. Кто сюда приходить будет, ежели сам такое вино делать научится?

Он аккуратно разлил вино по бокалам. Родион пригубил и решил, что вино не уступит знаменитым молодым французским винам, которые он пробовал в винодельнях Франции.

– Хорошее вино.

– Хорошее. Но если ты думаешь заводик винодельческий какой поставить, сразу отговорю. Это вино массовому производству не подлежит. Скисает быстро. Сделал-выпил, сделал-выпил. И не иначе.

Родион кивнул головой. Винодельческий завод ставить было глупо – конкурентов невпроворот. Алкогольный рынок и без того перенасыщен. Тем более что такое вино было бы слишком дорого для массового потребителя. Оно хорошо здесь, в этом маленьком кафе, для избранных посетителей.

Прибежала официантка с полным подносом. Пока она составляла на стол мясное блюдо, пряно пахнущее кинзой, базиликом, майораном и еще чем-то, и рыбное, с

запахом тимьяна и майорана, Ксан Потапыч приказал:

– Ты на десерт арбузное варенье принеси, нашенское, подлесное. – И пояснил заинтересованному Родиону: – А вот это я бы настоятельно рекомендовал выпускать как фирменное варенье. В магазинах я его не видел. И как варить его мы знаем, и как хранить.

Они быстро съели все, что подали, а подали немало. Родион был уверен, что столько ему не осилить, но оказалось, что после целого дня беготни он без проблем справился с ужином по-казацки.

Под конец принесли арбузное варенье. Родион попробовал и восхитился. Кусочки арбуза были не мягкими, как он предполагал, а хрустящими, хотя варенье было сварено из арбузной мякоти, а не из корок.

– Как это делается? Ведь арбузная мякоть мягкая?

– О, это целая технология. Кусочки арбуза выдерживаются в пищевом меле с различными вкусовыми добавками, и только потом варятся.

– Сложно.

– Нет. Это так кажется с непривычки. Кстати, так готовить можно практически все мягкие фрукты.

– Надо попробовать.

– Это будет фирменный наш десерт. Что-нибудь типа «подарок из станицы Подлесная».

Родион посмеялся. После выпитого вина, такого легкого на первый взгляд, ему все казалось на редкость удачным.

Но вот они закончили ужин, расплатились, причем Ксан Потапыч не разрешил Родиону заплатить. Услышав смехотворную сумму, названную официанткой, Родион решил, что здесь уж слишком уважают начальство. Или просто он не в курсе местных цен?

Распрощавшись с председателем, не смог сразу сориентироваться, куда идти. Кругом была полнейшая темнота, фонари горели только на центральной улице да возле конторы. Пошел наугад, надеясь, что ноги сами приведут его куда надо.

А привели они его к местному дому культуры с кинотеатром в левом крыле. Потоптавшись перед входом в кинозал, он все-таки зашел. Фильм уже вовсю шел, поэтому в фойе никого не было. Ни зрителей, ни контролера. Касса тоже была закрыта. Родион осторожно открыл дверь в зал и вошел. Присмотревшись, понял, что половина мест свободна. Присел с краю и принялся смотреть старую комедию «Гусарская баллада».

Интересно, здесь фильмы по заказу публики привозят или по какому-то неведомому графику? Ему казалось, что вся Россия давно перешла на американские блокбастеры, а нет, в глубинке смотрели еще отечественные фильмы.

К своему удивлению, посмотрел кино с огромным удовольствием. Что послужило тому причиной – выпитое вино, хороший вечер или давно не виденный фильм, он рассудить бы не взялся. Возможно, этому помогла и мысль о Дане, которая сидела где-то неподалеку. То, что он смеется вместе с ней, доставляло ему какое-то странное удовольствие.

После окончания картины вышел вместе со всеми на улицу. Перед входом в дом культуры фонари горели, и он увидел Дану. А рядом с ней высоченного здоровенного парня. Этакого русского богатыря. Родион сразу почувствовал себя хлипким, как Дана его и называла. Почему в Москве он казался себе вполне даже тренированным и мускулистым? Это был самообман или он себя не с теми сравнивал?

Позади послышался вопрос, сказанный неприязненным тоном:

– Это еще что за пижон?

Он обернулся. Позади стоял крепкий паренек с сигаретой в зубах и пристально его рассматривал. К парню подошли еще двое, и тоже уставились на него подозрительными взглядами. Родион вздохнул. Неужели придется драться?

Нехорошо это, да и не хочется что-то. Вряд ли они будут драться один на один.

Тут к нему подошел Егорка.

- Привет! Решил кино посмотреть?

- Ну да. Ты тоже? Константин Петрович разрешил?

Парни сразу отошли подальше. Имя великого и ужасного Константина Петровича пользовалось здесь непререкаемым авторитетом.

- Ну да. А ты чего на ужин не пришел?

- Дана разве не сказала, что мы с Ксаном Потапычем по объектам мотались весь вечер? Приехали поздно, на ужин я опоздал, он меня в ваше местное кафе сводил. Хорошо кормят, между прочим.

Услышав имя председателя, парни бесшумно растворились в темноте. Родион понял, что больше ему в станице опасаться нечего. Теперь он здесь под эгидой двух могущественных имен. Егор, изображая лихого гусара, поскакал на одной ноге, размахивая воображаемой саблей, и спросил:

- Ты домой или погуляешь еще?

Откуда-то раздался переливчатый девчачий смех, похожий на Данин, и Родион хмуро сказал:

- Похожу немного. Спать не хочется. Рано еще, - по его мнению, для сна и впрямь было рановато.

Егор кивнул головой, без возражения принимая это утверждение, повернулся и растворился в темноте. Родион даже не успел спросить у него, как добраться до дому. Пожав плечами, передвинулся поближе к журчащему смеху.

Смех удалялся куда-то в сторону. Родион крадучись пошел за ним, собираясь убить сразу двух зайцев: проследить за Даной (стыдно, очень стыдно!) и узнать, где его временное пристанище, ведь должна же она идти домой в такое время?

Похоже, Дана в самом деле шла домой, вернее, стремилась туда, потому что шедший с ней парень настойчиво уговаривал ее погулять еще, причем где-то в подлеске, а она утверждала, что гулять с ним в подлеске никогда не будет, и что дед ее отпустил только до одиннадцати, а уже двенадцатый час.

- Ну и шо? - тупо гнул свое парень. - Ты шо, деда боишься?

- Не боюсь, а уважаю! - отрезала Дана, раздосадованная напористостью ухажера.

«Правильный ответ» - мысленно одобрил ее Родион, в полной темноте тихохонько пробираясь следом. Иногда, правда, из окон какой-нибудь хаты на улицу выплескивался куцый огонек, но редко: станица погружалась в сон.

- Та он и не узнает ничего! - парень был настырен до неприличия. По шагам слышно было, что он придерживает спешащую спутницу.

- Не держи меня, слышь, Степка! Я тебе не трактор!

- Не-а, ты не трактор! Ты норовистая кобылка! Но ничего, я и не таких обламывал! - развязно хохотнул Степан. - Хватит уже артачиться!

- Да ты настоящий архаровец! - Дана вспыхнула. - Зря я с тобой пошла.

- Может, зря, а может и нет. Мне жена нужна, вот и выйдешь за меня. Я тебя давно приглядел.

- Не собираюсь!

- А это как сказать, - глумливо заметил парень. - После сегодняшней ночи пойдешь, как миленькая!

Родион подошел поближе. Похоже, его помощь будет как никогда кстати.

- Пусти! - голос Даны был серьезен, даже испуган.

В ночи послышалось грубоватое чертыханье и тонкий девичий вскрик. Родион громко сказал:

- Что случилось, Дана? - и шагнул вперед.

И сразу наткнулся на крепко обнявшуюся парочку. Но что Дана обнималась с парнем не по своей воле, стало понятно, когда она с трудом повернула голову и прошептала:

- Беги за помощью, скорее!

Родион недоуменно переспросил:

- И зачем? Что, Степка тебя так не отпустит, что ли?

Зажав милке рот рукой, чтоб зря не вопила, Степан посоветовал Родиону:

- Ты иди давай мимо, будто ничего не видел.

- А ты что, не боишься Константина Петровича?

- А что он мне сделает? Ну, выпорот, как полагается, а потом все равно за меня девку отдаст, потому как девкой она уже не будет. Так что потерплю.

Дана испуганно всхлипнула, представив такую жуткую перспективу.

Родион сказал уже с угрозой:

- Отпусти девушку, я тебе серьезно говорю! Она за тебя замуж идти не желает! И на остальное тоже не согласна!

- А кто ее спрашивает? Мать за отца тоже идти не хотела, а пошла, как миленькая! И не жалеет, между прочим! И Данка жалеть не будет. Со временем.

- Ага, «стерпится-слюбится». Слыхали мы об этом. А теперь пусти! - Родион внезапно ухватил Дану за талию и с силой рванул на себя.

От неожиданности Степан выпустил свою добычу, и освобожденная пленница шустро рванула в темноту. Разозленный Степан перегородил дорогу Родиону.

– Ты чего не свое дело лезешь? Вот сейчас получишь у меня!

И он бросился на Родиона. Тот отскочил в сторону, понимая, что ему с таким бугаем не справиться. Но когда тот бросился на него снова, перехватил занесенную для удара руку и заломил. Тот зарычал от боли, но вырвался и бросился снова. Родион был гораздо проворнее, то Степан обладал силой и упрямством быка.

Он снова и снова шел на него, но пока Родион находил силы от него отбиваться, благодаря за свою выучку тренера по карате. Но тренироваться надо было больше, хотя бы пару раз в неделю, а не филонить! Он пылко пообещал себе так и сделать, если выйдет живым из этой передраги. В мгновеньях между наскоками Степана в голове вихрем пронеслась одна-единственная связанная мысль: позвала кого-нибудь Дана на выручку или ей это девичья честь не позволяет?

Что позвала, узнал, когда по спине Степана прошлась дубина, и сердитый голос Константина Петровича гаркнул:

– А ну, стой, остолоп! – и еще несколько явно нелитературных фраз.

Тот нехотя остановился, отрезвленный не столько голосом бывшего председателя, сколько внушительной дубиной.

– Это ты до чего додумался? Силой девку взять, как твой папаша! Так не думай, что после этого я бы тебе на ней жениться разрешил! Ты бы у меня под суд пошел за изнасилование и реальный срок получил! Не надейся, что я позору бы испугался, как твои бабка с дедом! А теперь вон отсель! А не то еще схлопочешь!

Что-то угрожающе прошипев, Степан исчез в темноте, а к Родиону подошел Константин Петрович с Даней.

– Как ты? Цел? Не заломал тебя этот битюг?

Родион покрутил головой, руками, ногами.

- Вроде все цело.

- Ну, ты герой! - восхитился Константин Петрович. - Против Степки никто и пары минут простоять не может, а ты все десять продержался! Хорошая у тебя подготовка! Небось армейская?

Родион в армии не был, поэтому несколько застенялся, опровергая дедово предположение:

- Нет, я с детства в секцию карате ходил.

- Ладно, домой пойдём, а то как бы любопытствующие не набежали. У нас есть любители сплетни распускать и выдумывать то, чего никогда не бывало.

Они пошли к дому. Родион чувствовал, что ушибленные места ноют, но утешал себя, что переломов, вывихов и прочего костоломства у него нет. К тому же теперь появилась реальная причина для задержки в станице - не может же он появиться перед матерью в столь растерзанном виде? Придется подождать, пока не затянутся боевые раны.

У порога их встретила Елена Гавриловна. Завела Родиона внутрь, велела снять рубашку и принялась осматривать его раны. Их не оказалось, зато были синяки, главным образом на груди.

- Умеешь ты драться, молодец! - заметила с уважением. - Но ребра у тебя еще долго болеть будут. Переломов нет, а вот насчет трещин не знаю. Это рентген делать надо. Но внешне все более-менее нормально, не считая синяков. А мои парни после любой драки как побитые собаки приходили, все в крови и синячищах.

- Это я увертываться хорошо умею. Глазомер хороший.

- Ну, ты не только увертываться умеешь, - уточнил Константин Петрович. - Я у Степки пару добрых фингалов на морде разглядел. И кровь у него из сопатки хорошо капала.

Родион не помнил, когда он успел врезать Степану по физиономии, но, судя по содранным костяшкам пальцев, все-таки к нему приложился.

– Повезло, – он не хотел изображать из себя героя.

Убедившись, что гость в более-менее исправном состоянии, Константин Петрович сердито повернулся в внучке.

– Ну, что, убедилась, к чему приводит глупость и непослушание? Если бы Родион не оказался поблизости, понимаешь, что бы произошло? Недаром Степку все разбойником называют!

Дана повинно склонила голову и потупила глаза. Она и в самом деле казалась разочарованной и расстроенной.

– Прости, дедушка. Я не ожидала, что он такой хам.

– Я тебя об этом предупреждал! Любишь ты с огнем играть, смотри, обожжешься! Завтра я пойду к Степкиному отцу разбираться, но это ни к чему ни приведет. Тот такой же охальник, что и сыночек. Если не больший.

Он ушел, а Елена Гавриловна, смазывающая синяки Родиона какой-то вонючей мазью, дополнила слова мужа:

– Для Степановой семейки насилие в привычке. Павленки всю жизнь так живут. Здоровые, черти, с ними никто связываться не хочет, вот и озорничают. Сход бы надо собрать, но они и на сход могут не прийти.

– Они себя богатеями считают, – с кислой ухмылкой заметила Дана, – вот никого ни в грош и не ставят. – Она обхватила себя руками, стараясь скрыть нервную дрожь, и снова поникла головой.

Родиону стало ее жаль. Если дед решил идти разбираться, то о нее наверняка будут чесать языки все, кому не лень. Как же ей помочь?

Смазав синяки Родиона, Елена Гавриловна попросила его подождать с полчасика, пока не впитается мазь. Поблагодарив за помощь, он ушел к себе, понимая, что для Даны сейчас начнется самое неприятное, – уж очень многообещающие взгляды кидала на нее бабушка.

Переждав полчаса, он осторожно вышел из своей комнаты и отправился к Дана. Постучав, услышал тихое «войди». Дана стояла у закрытого и занавешенного окна выпрямившись, как солдатик.

– Что, позлорадствовать пришел? – спросила, даже не поворачиваясь.

– Почему позлорадствовать? – удивился Родион. – Спросить, чем тебе можно помочь. Я же понимаю, что тебя здесь попросту съедят.

Дана повернулась к нему. Глаза у нее были красными, нос распух, но Родиону она показалась даже краше, чем прежде. Ему захотелось обнять ее и покачать, как ребенка.

– С чего ты это взял? – тон ее голоса не допускал ни жалости, ни сочувствия.

Родион вздохнул и покачал головой. Почему она к нему так предвзято относится?

– Извини, если чем тебя обидел, я не хотел. – Он сделал шаг к двери, собираясь выйти. Ему было на редкость досадно.

– Прости, я не права, – чувствовалось, что Дана делает над собой усилие. – Ты мне помог, а я тебе хамлю.

– Не хочешь разговаривать, и не надо. Я к тебе приставать не собираюсь, – Родион не понимал, с какой стати он нянчится с этой нелепой гордячкой. – Спокойной ночи.

– А как бы ты мог мне помочь? – внезапно заинтересовалась Дана, говоря уже нормальным тоном.

- Ну, на работу в Москве устроить, - задумчиво предложил он. - Или где-нибудь в другом месте.

- Нет, это будет значить, что я струсил. Испугалась каких-то Павленков.

- Не каких-то, а насильника.

- А как ты-то рядом оказался? - Дана с подозрением уставилась на него. - Следил за мной, что ли?

- Естественно, следил. Надеюсь с твоей помощью до дому добраться. Я в темноте дорогу потерял. Я «Гусарскую балладу» вместе с тобой смотрел.

- А чего ж сразу не спросил?

- Чтоб весь кайф тебе обломать? Я ж думал, у тебя любовь-морковь, вот и не вмешивался.

Она разочарованно вздохнула.

- Понятно.

- Так чем тебе помочь? - настойчиво повторил Родион.

- Чем, чем? Если только жениться на мне. Причем срочно, - насмешливо предложила Дана, полностью уверенная в его пугливом отказе.

- Ну, если надо, то могу, - протянул Родион, пристально наблюдая за ее реакцией.

Она на мгновение изумленно замерла, потом махнула рукой.

- Да не надо таких жертв, вот еще! Я просто пошутила.

Он молча вышел, тихо прикрыв дверь, хотя хотелось хлопнуть изо всей силы. Нет, что за девица! То она предлагает ему на ней жениться, то тут же выливает

на него ведро ледяной воды. Разве так можно? Зверем посмотрел на Данину дверь, и нехотя побрел по коридору.

Придя к себе, убедился, что мазь впиталась в кожу, и бухнулся в постель, даже не принимая душ. Зачем смывать мазь? Вдруг поможет? Лицо ему этот бугай, к счастью, не задел, благодаря выработанной годами ловкости, но по ребрам прошелся будь здоров!

Попытался глубоко вздохнуть, выясняя, болят или нет кости, и не смог. Болело все. Наверняка завтра придется идти в местную поликлинику, делать рентген. Не дай бог, трещины. Хотя это, в принципе, ерунда.

А то, что он так кошмарно отреагировал на предложение Даны жениться, уже не ерунда. Он что, влюбился? Вот так, сразу, за пару дней, в эту неотесанную селянку? Не может быть! Просто она привлекает его на чисто гендерном уровне. Любовь чувство долгое, а вот страсть может возникнуть с первого взгляда и любого мужика свести с ума. И то, что он, не раздумывая, согласился на ее нелепое предложение, наглядный тому пример.

Страсть придется задушить в зародыше. И он вполне сможет это сделать. Стоит ему отсюда уехать, выбраться из сферы чувственного влияния этой красотки, и все будет о'кей.

Он еще долго уговаривал себя, приводя тщательно продуманные доводы, но, несмотря на умные обещания и логичные планы, разочарование было таким сильным, что хотелось что-нибудь расколошматить.

Утром с трудом сполз с постели. Боль в груди была такая, что заболела голова. Сгоряча даже пообещал себе, что больше он никаких девиц от насильной свадьбы спасать не будет, понимая, что это никчемные слова.

Елена Гавриловна, как опытная мать семейства, предвидела такой исход. Едва Родион, едва передвигая ноги, выполз на веранду, предложила:

– Ты давай-ка в баню, она истоплена. В ней не жарко, но попариться можно. Иди, тебя Егорка легонько веником похлещет, и будешь как огурчик.

Родион в свое возрождение не верил, но в баню пошел. Прогревшись и размявшись, получив добротный массаж дубовым веником, он воспрянул духом и позавтракал уже с аппетитом.

За столом, кроме него, никого не было, все поели раньше. Елена Гавриловна сокрушенно признала:

– Натворила Данка дел! И ведь говорили ей, что не надо связываться с этим козлом, нет, все своевольничает! А теперь Константин Петрович осерчал по-настоящему: он с утра сходил к Павленку-старшему, а тот заявил, что наша девка сама на то напрашивалась! И мы должны быть благодарны, что Степан почестному хотел на ней жениться! И много всякой о ней гадости. В общем, допрыгалась Дана.

– Что, теперь в станице про нее гадости говорить станут?

– Пошептывать-то точно. Особенно там, где есть девки на выданье. Чтоб не соперничала.

– Так вроде парней-то в станице много.

– Много-то много, но самостоятельных-то среди них мало. А никудашные кому нужны? Маяться с ними всю жизнь? Вот и получается, что Данка многим здесь мешает. Да и ведет себя не лучшим образом, финтифлюшничает все. То одному улыбнется, то другому. А парням-то много ли надо? Тут же разборки начинают. Так что получается, что она смуту сеет и раздор, одним словом.

– Но так же все девчонки делают, – Родион вспомнил своих знакомых девиц. – Кокетничают, это же нормально.

– Это для города, может, и нормально, а у нас не полагается, – недовольно разъяснила ему Елена Гавриловна. – Нехорошо это.

Родион возражать не стал. Нехорошо, так нехорошо. Не ему судить. В чужой монастырь со своим уставом, как известно, не ходят.

В кармане зазвонил родительский телефон. Он достал его и ответил:

– Слушаю, мама. – В трубке прозвучал нервный голос, и Родион как можно небрежнее проговорил: – Нет, у меня все хорошо, не волнуйся. Да, я все поручения отца выполнил, скоро приеду. Пока!

Он отключил телефон, и Елена Гавриловна проницательно заметила:

– Материнское сердце не обманешь! Только с тобой неприятность приключилась, она тут же и позвонила.

– Скорее всего про мои подвиги ей кто-то сообщил. Вот только кто?

– Да кто будет звонить в Москву, сообщать о тебе! Все же думают, что ты наш какой-то родственник. Ну, кроме управляющего. А Потапыч никому ни о чем докладывать не будет. Нет, это материнское сердце. Я тоже сразу чувствую, когда у детей неприятности.

– Да, наверное, – предпочел согласиться Родион.

Любопытная Елена Гавриловна кивнула на телефон, который он еще держал в руке.

– А что у тебя телефон-то такой немодный? Кнопочный, как у меня. Вон даже у Егорки и то с экраном. И в интернете он ползает, хотя ему дед и запрещает.

Признаваться, что телефон мамин, было невместно, и Родион глубокомысленно поведал:

– Сенсорные телефоны для безделушек хороши, а серьезными делами на них заниматься нельзя. Того и гляди какую-нибудь шпионскую программку подцепишь. А кнопочный – он надежный. Никакой вирус не подсядет. Деловые люди кнопочными телефонами пользуются. Но у меня и обычный есть. Но он для баловства, – и он достал из кармана смартфон.

Елена Гавриловна восторженно охнула и горделиво вздернула нос.

– Ух ты! В нашем семействе я, оказывается, самый что ни на есть деловой человек! Вот скажу-ка я домочадцам об этом за обедом, пусть завидуют!

Родион посмеялся. Как мало, однако, надо для гордости неприязательным людям, всего-то старый телефон. Распрощавшись с Еленой Гавриловной, пошел к конторе. Боли почти не чувствовалось, но некоторая скованность в движениях все же мешала. Родион понадеялся, что в ближайшее время ему подобных подвигов совершать не придется.

Дана уже сидела на своем месте, что-то печатая с пулеметной скоростью. Родион позавидовал: ему бы так. А то пока набьет текст, столько времени проходит.

Подняв голову, она сдержанно поздоровалась и даже попыталась кривовато улыбнуться. Понятно, ей здорово не по себе. Еще бы, втравить его в такую переделку! Или ей вовсе не поэтому стыдно? Подумаешь, парни из-за нее бока друг другу намяли! Наверняка для нее это не впервые.

– Как ты себя чувствуешь? – она старалась быть корректной, но получилось чопорно и даже высокомерно.

– Нормально, стараниями твоей бабули, – безразлично ответил Родион.

– Да, бабуля у меня что надо! – неожиданно развеселилась Дана. – Тебе никто не говорил, что в молодости парни из-за нее даже стрелялись? В смысле, дуэли устраивали?

– Нет, – ошарашено признался Родион. – И что, со смертельным исходом?

– Их поймали, и перестрелять друг друга не дали. Как ты думаешь, кто это был?

– Один из них, предполагаю, был Константин Петрович, а кто другой?

– А другой был твой дед! – и Дана залилась звонким смехом, глядя на неверящее лицо Родиона.

– Приеду домой, непременно выясню у него все нюансы несостоявшейся дуэли.

– Он тебе расскажет? – удивилась Дана. – Мне так никто ничего не рассказывает. Обо всем узнаю окольными путями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-gercik/poceluy-silnogo-muzhchiny-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)